

Роль СМИ в развитии процессов регионализации России

Александр ЛОГУНОВ, декан факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета

Я по образованию историк, моя узкая специализация связана с проблемами исторической психологии, и в своем выступлении я хочу поделиться некоторыми наблюдениями по поводу действий региональной журналистики в период избирательных региональных кампаний, который пришелся на 1996–1997 годы. Тогда я пытался отслеживать то, о чем пишет пресса на местах, и сопоставлять с тем, как воспринимается это, скажем, в центральных или, если хотите, в московских средствах массовой информации. Я увидел странное противоречие и странное рассогласование в том, как видят и на что обращают внимание журналисты в Москве, и в том, что пишут, на что обращают внимание в регионах.

Позволю привести пример. Когда шла избирательная кампания, у нас очень часто в телевизионных сюжетах на НТВ, ОРТ, на российском канале показывали огромную карту Российской Федерации, и журналисты говорили, вот в этом регионе избиратели отдадут предпочтение стороннику Президента, или представителю демократического лагеря, в этом регионе – представителю коммунистической морали, в этом регионе побеждают либералы, в этом побеждают консерваторы. И выстраивалась схема: "красный пояс", "синий пояс", "зеленый пояс" и т.д. То есть как бы воспроизводилась терминология, привычная для выборов пятилетней давности: правый–левый, коммунист–демократ, либерал–нелиберал. И получилась красивая такая карта.

Это было бы все замечательно, если не сопоставлять эти оценки и наблюдения с теми сюжетами, с теми терминами, которые употребляла региональная пресса. Я не поленился и начал вести словник. Если в центральной прессе преобладали в этот период слова–термины: "сторонник Президента", "противник Президента", "сторонник демократии", "противник демократии", "сторонник реформ", "противник реформ", то в региональной прессе были другие варианты. Там почти не было или, во всяком случае, очень периферийными оказывались оценки: "демократ–недемократ", "сторонник Президента–не сторонник Президента". Зато вся региональная пресса оказалась буквально засыпанной и переполненной терминами и понятиями: "куряне", "рязанцы", "кубанцы" и т.д. То есть оценка кандидата велась по весьма своеобразному критерию: выражает интересы курян, не выражает интересы курян, лучше учитывает интересы рязанцев, хуже учитывает интересы рязанцев и т.д. То есть, если здесь говорилось – "сторонник Президента", "противник Президента", "красный пояс", "синий пояс", то там – "интересы курян", "интересы кубанцев", "интересы жителей Владивостока" и т.д.

Можно подумать, что так получилось случайно. Но вот еще пример.

В 1996–1997 годах всю Россию охватила волна самых невероятных региональных юбилеев. Праздновали 850–летие Москвы, 200–летие Саратовской области, Курской области, 750–летие Великого княжества Тверского, 275 лет Нижнего Тагила, 60–летие Краснодарского края, Алтайского края, Орловщины и т.д. Только в 12 регионах Российской Федерации не праздновались какие–нибудь юбилеи именно в период избирательных кампаний. Но там находились другие варианты компенсации.

В эти же годы почти во всех регионах России издавались или переиздавались, существенно перерабатываясь, учебники и учебные пособия по истории. И местные руководители образования весьма активно использовали свои возможности для корректировки учебных планов и учебников за счет дополнения курсов общеисторической подготовки курсами истории родного края.

В принципе, ничего нового здесь нет, это было всегда. Появилась только новая специфика того, о чем пишется в этих учебниках. Я обращаю внимание, по крайней мере, на три особенно типичных позиции и подхода.

Первое, что бросается в глаза, – это максимально возможная степень локализации местного материала. Создается впечатление, идет ли речь о Северном Кавказе, Поволжье, Севере России и т.д., что это – некий самодостаточный район и вся остальная история как бы вращается вокруг него, а главное происходит здесь, главное всегда сосредоточено здесь. Причем, связи, которые фиксируются у региона с так называемым центром, столицами и т.д., очень своеобразно характеризуются. Как правило, регион всегда либо защищает, оберегает, сохраняет, либо сохраняется, защищается, оберегается от центра.

Второе, что бросается в глаза, – это попытка найти новые, принципиально иные основания своего исторического начала. Доказать, что регион – главный, сверхценный и сверхзначимый элемент страны. В гораздо большей степени это проявляется, конечно, в национальных республиках Российской Федерации. Когда мы читаем историю Татарстана, рекомендуемую для школьников, то выясняется, что Татарстан – это основной источник культуры и государственности для славян, потому что все пришло оттуда: государство, власть, формы и организации и т.д., что это источник очень длинной и долгой цивилизованной истории, что это высокая государственность, окруженная ордами отсталых и темных славян, которых приходилось цивилизовать. При этом акцентируется внимание на национальных травмах (падение Казани – это национальная травма) и т.д., нивелируется советский период – он самый безликий и неинтересный и подчеркивается яркая, эмоциональная насыщенность современного периода – сегодня мы вырываемся вперед и ведем за собой всех остальных.

Башкортостан предложил очень любопытную версию своей истории, которая тоже связана с теми же самыми основаниями. Примерно таким же образом пишутся истории и в русских регионах, и в субъектах Федерации – краях, областях и т.д. Только там, может быть, иначе фиксируются этнические моменты, этническая характеристика.

И, наконец, третий чрезвычайно важный момент. Весьма характерен подбор персоналий. Вполне понятно, что местная история должна всегда сопровождаться усилением внимания к своим землякам: она и пишется для того, чтобы этот опыт не забывался. Но в подборе персоналий очень часто устанавливается некая линия очень жесткой преемственности. У саратовцев это череда сильных губернаторов – от Столыпина до условного Аяцкова, которые были и есть единственные и главные спасители и радители Отечества. Вот эта акцентировка тоже бросается в глаза.

Таким образом, если суммировать эти наблюдения, то возникает возможность говорить о некоем ином качестве процессов регионализации. И в этих процессах региональная журналистика играет совершенно особую роль. Региональная журналистика, на мой взгляд, сегодня не столько стоит перед проблемой политизации, сколько перед проблемой поиска своего места, определения своей роли и формирования своего отношения к процессу регионализации (я сейчас не веду речь о сепаратизме, отделении и т.д.). Речь идет о том, что мы столкнулись с новым, своеобразным феноменом формирования и быстрого развития региональных особых общностей. Я попытаюсь проанализировать, как реагирует региональная пресса на эту проблему, как она ее ощутила и что она в связи с этим пытается увидеть, и что пытается решить.

Прежде всего, если попытаться создать или составить определенную иерархию вопросов или проблем и реакции на них региональной прессы, то первое, о чем, наверное, стоило бы вести речь, это то, что региональная пресса вносит существенный вклад в формирование особого типа регионального пространства и регионального времени.

Если посмотреть на региональную прессу периода избирательных кампаний, то выясняется, что местная пресса фиксирует внимание на том, что события, происходящие в каждом регионе, имеют не только местное значение: от происходящего в этом регионе зависят судьбы всей России. Если верить прессе прошлых избирательных кампаний, то в регионах спасали судьбы демократии, а не судьбы России, в регионах спасали судьбы будущего, а не решали конкретные вопросы. Вот термины и оценки, которые использовались в местных газетах.

Что такое Приморье? Приморье – это не просто Приморье, Приморье – это форпост России на Дальнем Востоке, это часть России, но это форпост. От того, как ситуация сложится в Приморье, будет зависеть судьба России.

Нижний Новгород – это не просто крупный поволжский центр, это не просто центр экономики. Нижний Новгород – это третья столица, Нижний Новгород – это карман России. Как сложится ситуация в Нижнем Новгороде, так будет жить Россия.

Красноярск – это не просто столичный город, Красноярск – это центр всей России, как избиратели голосуют в Красноярске, так они проголосуют по всей России. От успеха Красноярской власти зависит все.

Краснодар – разве это просто краевой центр? Нет, это центр всего Юга России, как сложится ситуация здесь, так сложится ситуация на всем Юге.

Ярославль – это не просто Ярославль, это центр Европейской России. От того, как ситуация сложится в Ярославле... и т.д.

Идет активное формирование представления о том, что мы не просто регион и мы не просто часть России, мы центр России, в котором решаются судьбы всей России. Далее начинается наделение этих характеристик совершенно особой системой смыслов и особым смыслообразованием, эти смыслы трудно было найти в предшествующих избирательных кампаниях.

Речь идет не о том, что мы центр и на нас возлагается особая ответственность. Это как бы одна констатация. А второй смысл этого – мы не просто центр, не просто особая ответственность, но мы еще располагаем неким особым преимуществом для того, чтобы правильно решить и локальную задачу, в данном случае избирательную, и более глобальную задачу нашего выживания. Мы располагаем всем необходимым для того, чтобы сделать рывок вперед, посмотрите, чем мы располагаем.

Набор достаточно типичный, я отбираю самые типичные определения. Вот для сравнения: пресса Воронежа, Волгограда и Кубани. На первом месте, чем мы обладаем: в Воронеже – черноземом, в Волгограде (подчеркиваю, в Волгограде) – огромными плодородными землями, на Кубани – черноземом, это традиционная житница.

Второе, чем обладаем: Воронеж (Воронеж – подчеркиваю) – несметные природные ресурсы, Волгоград – нефтяные запасы (конкретно), Кубань – мы контролируем выход к двум морям.

Третье. Воронеж – трудолюбивые люди, Волгоград – огромное пространство, Кубань – заповедные леса. И т.д. и т.п.

Таким образом: на нас лежит особая ответственность, ответственность не только перед собой; плюс ко всему мы располагаем такими возможностями (правда, получается, что возможности Воронежа и Волгограда несколько похожи, но все равно, мы располагаем этими возможностями), которые позволят нам и справиться с ответственностью, и рвануться вперед.

А кто будет эти возможности реализовывать? И вот здесь начинается фиксирование того самого "Мы": мы – буряты, мы – рязанцы, мы – кубанцы и т.д., которые и будут это все реализовывать. Подчеркиваю – мы! Я специально это подчеркиваю, потому что сейчас в избирательных региональных кампаниях нет идеи, что мы – единые демократические силы, мы – Москва, Петербург и мы – Кубань, тоже демократы, и мы – тоже реформаторы. Нет, проблемы будем решать мы, региональная сообщество, потому что мы, жители региона, обладаем совершенно исключительными качествами.

И пресса формирует типичный облик регионального жителя. Вот что собой представляет бурят, по частоте употребляемых терминов. На первом месте – трудолюбие, на втором месте – талант, на третьем месте – изобретательность, на четвертом месте – мужество и др.

Рядом саратовцы. На первом месте, очень любопытно, – исключительно богатая, талантливая и одаренная интеллигенция. (Это единственный регион, где это качество поставлено на первое место.) На втором месте – волжский размах, на третьем – трудолюбие, на четвертом – чувство красоты, тяготение к прекрасному и т.д.

Образ кубанца. На первом месте – свободолюбие, на втором месте – мужество, на третьем – качества земледельца и на четвертом месте – яркий художественный талант.

Причем, подчеркивается несравнимость достоинств. Мы, куряне, такие трудолюбивые, что даже сравнить не с кем. Можно было сказать: "Мы такие же демократичные, как и ...". Или: "У нас на митинг пришло 10 тысяч человек, больше, чем в Москве". Но сказать: "Мы трудолюбивые, как и в Саратове", – невозможно. Поэтому говорится о том, что таких трудолюбивых, как мы, просто нет.

Пресса настойчиво убеждает человека, что принадлежать к этому "Мы" – это уже достоинство изначально. Я говорю, что я саратовец, это уже само по себе – достоинство, а если мне так повезло, что я еще и интеллигент, то значит я – самый талантливый интеллигент, не какой-нибудь интеллигент где-нибудь в Пензе или еще где-то. Если я – кубанец, я свободолюбивый уже прямо от рождения. И так далее.

В условиях, когда многие привычные способы идентификации оказались утрачены, важен компенсирующий фактор. Сейчас очень трудно оказалось идентифицировать себя с россиянином, чтобы чувствовать психологически комфортно. Скажите: "Я – россиянин", и вам зададут вопросы: "Скажите, а где границы России? А что такое вообще Россия, где она? Кавказ – это Россия? Якутия – это Россия, Татарстан – это Россия?". А курянин – это ясно, рязанец – это понятно. И региональная пресса это почувствовала и начала разыгрывать эту важную карту, выполняя задачу поиска

факторов психологическом компенсации.

Но когда мы говорим о формировании – региональной прессой в том числе – образа своей общности и образа своего региона, кроме наделения этой территории и людей, проживающих там, совершенно особыми качествами и свойствами, пресса периода избирательных кампаний показала еще один чрезвычайно важный вариант. Попыталась воссоздать это региональное пространство и региональную общность за счет введения очень мощной антитезы "космос–хаос". Все вокруг нашего региона – это хаос, а наш регион – это очаг порядка, стабильности и согласия. У нас исключительно замечательный регион – и исторически, и геополитически он замечательный. Мы центр России, мы ворота России и т.п. Мы обладаем совершенно исключительными достоинствами: земля, горы, курортные ресурсы у нас, а люди вообще самые лучшие – талантливые, храбрые, защитники, эстеты, члены художественной самодеятельности и т.д. А живем плохо. Что же такое? Значит, надо найти, кто мешает. Явно же, если бы не мешали, мы бы жили прекрасно. Ну, что еще нам нужно? Земля богатейшая, народ трудолюбивый, условия прекрасные. Кто–то же мешает. За эти два года ничто не сделала региональная пресса так эффективно и результативно, как формирование образа центра и Москвы как фактора, мешающего решению этих проблем. Москва имеется в виду, естественно, не как город, а Москва как символ власти, иными словами – Кремль, Охотный ряд, кто угодно. Центр и Москва – вот основной источник всех бед и несчастий регионов.

Что же они такого делают? Наиболее любимый тезис: "Москва, центр – это эксплуататоры региональной общности". Как же они эксплуатируют? "Мы кормим Москву в ущерб себе", – это любимый тезис Волгограда, Кубани, Ростова, Красноярска. "Мы кормим Москву, мы сами недоедаем, а отдаем все в Москву, так было всегда, так есть и сегодня".

Второй момент. "Мы напрягаемся для защиты России, а не получаем никакой компенсации за это", – любимый довод, используемый Ставропольской прессой и прессой Дальнего Востока. "Мы отдаем Москве все богатства задаром. А если бы мы продавали, то мы бы жили чрезвычайно хорошо", – любимый тезис Краснодар, Самары, Саратова. "Москва жиреет за счет искусственного обнищания регионов, выкачивает финансовые средства", – любимый тезис Екатеринбурга и Петербурга. И, наконец: "Москва насаждает в регионах чуждые по сути, по типу реформы. Мы сами реформируемся лучше и эффективнее Москвы".

В свое время, в 1985–1986 годах, когда новый Генеральный секретарь Михаил Сергеевич Горбачев начал активную кампанию по преодолению недостатков в работе партийных организаций, пошла смена кадров на уровне обкомов, горкомов. И вот тогда на одном из пленумов ЦК прозвучало впервые понятие "застой". "Застой в партийных делах" – вначале только так. И после этого пошли пленумы Бухарского обкома, Ростовского обкома, Волгоградского обкома, Липецкого. Суть решений: "Как правильно сказал Михаил Сергеевич, застой в партии есть. В нашей областной партийной организации нет, а в других есть".

Так вот сегодня региональная пресса в использовании понятия "реформы" очень активно разыгрывает ту же карту: "Реформы на самом деле не в Москве, реформируется губерния, Москва только мешает этому". Каким образом, почему мешает? "Потому что мы, на местах, реформируем то, что нужно, и так, как нужно, а Москва выполняет заказ Международного валютного фонда. И она навязывает нам чуждую политику". Это любимые тезисы в Екатеринбурге, в Красноярске, в Краснодаре.

И, наконец, еще один сюжет, который стал очень активно вылезать на первую полосу: "Москва проводит политику ущемления русских регионов в ущерб национальным республикам". Очень хлесткие статьи, целая подборка материалов, помещенная, например, в Рязани: "Рязанщина в 4 раза больше Калмыкии, а ее права неадекватны ее вкладу в развитие России".

Самарская пресса после известных договоров с Чечней публикует серию экономических репортажей и материалов: "По территории Самары проходит четыре нефтепровода, и Самара не получает ничего. Почему же платят Чечне, если Чечня – часть Российской Федерации?". Эта идея привела к очень любопытным способам компромата, который использовала региональная пресса в период выборов.

Да, региональная пресса дает огромную массу негативных примеров: растраты, хищения, еще какие–то злоупотребления. Даже жизнью журналисты за это расплачиваются. Но в 1996–1997 годах для меня очень любопытными показателями стали акценты несколько на ином. В потенциальных противниках пресса ищет и пытается обнаружить связь, скрытую или явную, с политикой Москвы, давая ответ на вопрос: "Он будет решать наши задачи или проводить чью–то линию?". Таких примеров я могу привести множество.

Например, на Кубани ситуация с Егоровым, в Ростове – ситуация с Иванченко. Главный компромат на Егорова был не в том, что он где-то украл, хотя были и эти примеры, но почти ни одно критическое выступление против него не обходилось без использования двух констатаций: первая – у него собственная квартира в Москве и он живет по преимуществу в Москве и вторая – у его дочери квартира на Кипре. Акцент делался не на том, что он украл деньги и купил, а на самом факте: он не наш, он уже не наш, он уже настолько не наш, что его дочь вообще живет за пределами России.

Или Иванченко. В период начала избирательной кампании на первый план выдвигается масса примеров, свидетельствующих о том, что и рекомендован он из Москвы, и поставлен из Москвы, и связи поддерживает с Москвой, и т.д. А как реагируют его сторонники? Они находят очень хороший контраргумент: опровергнуть это невозможно, но они говорят: "Да, конечно, но Иванченко всегда умел находить компромисс с Москвой, он эти связи использовал в интересах региона. Если бы не он, может быть, Москва бы нас совсем задавила".

Вот эта ситуация как бы венчается идеей, связанной с обоснованием невероятно радужных перспектив для того или иного региона, если он (регион) избавится от давления Москвы. Самые красочные примеры это, конечно, лозунги, под которыми шли губернаторы Нижнего Новгорода и Курска. Один собирался превратить Нижний Новгород в современный Детройт, второй – в современный Кувейт, совершить региональное чудо. Остальные варианты регионального чуда были примерно такие же, может быть, менее поэтично выраженные.

В этой ситуации сами термины и понятия: "политизация", "политика", "партизация" – воспринимаются как показатель источников нестабильности: "Чем менее политизирован наш регион, тем лучше. Нам делить нечего по политическим принципам, мы – едины".

И примеры единства, порядка и стабильности тоже очень любопытны: "У нас, в отличие от всех остальных, даже ходят трамваи".

Я бы не хотел создать впечатление, что все это видится так однозначно. Естественно, региональная оппозиция или те, кто пытается разворачивать критику ныне действующих или действовавших властей, очень часто как бы варьировали представления о хаосе, говоря о том, что, да, при этих властях хаос, свойственный межрегиональному пространству, проник и сюда, и к нам, но вот мы придем к власти и восстановим, наведем порядок, стабилизируем ситуацию и т.д.

В этом же ряду прослеживаются и явно очевидные изменения в восприятии времени. Местное время подразделяется на три условных периода. Первый – обязательно был когда-то, в одном случае очень давно, в другом – очень недавно, период своеобразного "золотого века". Тогда было все. В одном случае это связано с деятельностью определенного руководителя, в другом случае – с дореволюционными событиями, в третьем случае – еще с чем-то, но был некий период "золотого века". Он был, и сам факт бытия этого "золотого века" – лучшее подтверждение того, что его можно возродить, к нему можно вернуться. Второй – это период, условно говоря, "черной дыры", когда область или регион смещались на периферию, оказались задавленными, не могли себя полностью реализовать и т.д. И современность, которая ценна еще не столько сама по себе, сколько тем, что она открывает дорогу к этому самому бывшему "золотому веку".

И самый последний сюжет в связи с этим же – это образы местных лидеров. Также налицо изменения, которые проходят по ряду параметров. Для меня здесь различия общенациональной и региональной прессы практически незаметны: общая эволюция однозначна.

Если говорить об образах этой эволюции, то это образ Ельцина на танке как символа натиска, штурма, слома, и "Лужков в кепке", новый тип лидера – строитель, хозяйственник и т.д. Примерно в таком же плане явно заметны приоритеты при формировании образов политических лидеров.

Если опять-таки выстроить определенную градацию, первое качество, которое всегда выделяется, во всяком случае наиболее явно присутствует, – это способность лидера противостоять угрозе этого хаоса, проникающего извне: отстоять собственные интересы, защитить интересы, понять интересы, представить интересы, выразить интересы, не допустить ущемления и т.д. Способность противостоять! Не сотрудничать, не сближаться, не вести диалог – способность противостоять. Второе качество: лидер этот уже на практике имеет опыт реализации своеобразной, идеальной, гармоничной модели, ему уже удавалось совмещать несоевместимое, наводить порядок и т.д. Третье – это явное противопоставление хозяйственной сметки, расчетов и т.д. (комплекса хозяйственно-управленческих качеств) политическим качествам. Термин "политик" применительно к региональному лидеру превратился в большей степени в термин отрицательный.

Если к этому еще добавить очень любопытные биографические материалы, которые издавались в период кампаний: публиковались в изданиях, выходили отдельными брошюрами, затем в сокращенном варианте на листовках и т.д., – то сформируется былинный тип биографии политического лидера. В его жизнь есть всегда три очень важных этапа. Первый этап – это факт рождения здесь, на этом месте или от людей, происшедших из этого места, но потом волей судьбы заброшенных в чужие края. Фактор рождения – дело принципиальное. Основным доводом оппонентов Козырева, когда он избирался депутатом в Мурманске, было не то, что он был плохой министр иностранных дел, не то, что он что-то украл или не так сделал, абсолютно вся критическая пресса упомянула факт его постыдного рождения в г.Брюсселе. Это было отвратительно, ничего худшего он сделать не мог. Факт рождения – это исключительная вещь.

Второй, очень длительный период – это период страданий. Он обязательно должен перестрадать. Источники страданий самые невероятные: отъезд на чужбину, например, в Москву, где его как талантливого выходца из провинции притесняли, гнали, не понимали, и он, несмотря на это, сделал/не сделал колоссальную карьеру. Это могут быть страдания, претерпленные на месте, потому что он каждый день ходил на работу, пахал, сеял и т.д. Это могут быть страдания, которые порождены происками врагов: оклеветали, недооценили, объявили фашистом, националистом, сепаратистом и т.д. Элемент страдания – это обязательный атрибут. Очевидно, региональная пресса чувствует, что пока еще для нашего исторического самосознания благополучный человек это тоже что-то ущербное, почти как рождение в г.Брюсселе. И, наконец, третье – это вхождение в герои, это возвращение на Родину, это сплочение вокруг себя соратников и т.д.

Таким образом, если попытаться сделать вывод из наблюдений, то я бы сказал так. (Еще раз подчеркну, что всякое обобщение не может быть стопроцентным, речь идет о преобладающей тенденции.) Период этих избирательных кампаний наглядно показал, что мы сейчас встретились с очень сложной проблемой социокультурной регионализации. Средства массовой информации, пресса играют в этом процессе совершенно исключительную роль. Тенденция к регионализации может дополняться и может соединяться с тенденцией (или с появлением ценностей) политического обособления. Мы вполне можем столкнуться в этом смысле с очень непростой проблемой.

Мне представляется, что описанный выше процесс – естественный, потому что в периоды кризисов у нас всегда исторически создавался совершенно особый тип целостности, в которой роль скрепы, роль объединяющего, централизующего начала играла не экономика – как бы мы ни изображали это, апеллируя к прежней марксистской традиции, – а играло, прежде всего, государство, говоря уже, государственная власть. Любой кризис государственности у нас всегда сопровождается регионализацией.

Возможное объяснение связано с особенностями нашей истории.

В основе нашей социализации лежал изначально локальный тип, локальное образование, которое для меня корректнее всего описывается понятием "мир", не "община", а именно "мир". Окруженный лесной зоной, ведущий подсечное земледелие этот мир, с одной стороны, находился как бы в естественных ограничениях, с другой стороны, нуждался в медленном продвижении: три года только эта делянка давала урожай. И вот этот мир (не единица, не одна семья, как это было у финнов, которые жили примерно в сопоставимых условиях, после того, когда венгры откочевали) у нас сразу становился административно-территориальной ячейкой, он был поземельной общиной, он был одновременно религиозным миром, потому что ведь наше язычество было уникальным: у нас каждый мир имел своих божков, до тех пор, пока не создали единого, и наши божки – это не финские, тоже языческие боги-индивидуалисты, с которыми надо было персонально договариваться, а самые первые наши божки – это тоже большие коллективисты: ежи, домовые и т.д., они коллективны, как и мы.

Итак, у нас своя религия, у нас свой суд в рамках этой общины, более того, я могу сказать, на что мы не всегда обращаем внимание: у нас этот мир брал на себя в известной степени и определенную внешнеполитическую функцию, потому что он договаривался с другими мирами и выстраивал отношения. То есть возникает некая локальность, полностью самодостаточная. Для чего этой локальности нужна, например, какая-то еще высшая власть? Нужна ли она вообще? В двух вещах, всего-навсего, потому что близость от известного пути из варягов в греки, а потом от известного Янтарного пути всегда ставила нас в состояние выбора: можно осваивать участок, а можно лишнего молодого человека послать ограбить либо оберегать – это все равно. Следовательно, нужен тот, кто мог бы это организовать.

И второй момент. Поскольку мы, хотя и были локальными, но все время двигались, нам нужно было как-то определять оптимальные пределы движения. Мы могли пригласить и Рюриковичей, и

кого угодно для решения этих задач, потому что наша власть не выростала органично, а брала на себя вполне определенные функции. И первое, что мы обрели в социальной плане, – это ценность множественности, то, что мы называли и традиционно называют в книгах "Киевская Русь". Для человека, занимающегося исторической психологией, это формула бессмысленная: у нас не было образования, если использовать термин "государство", адекватного западному.

То, что возникало, было совершенно иным. И отсюда этот лаконизм миров, ставший первоосновой, привел к очень далеко идущим последствиям. Эта наша внутренняя локальность и ориентация на локальную самодостаточность всегда взрывается, прорывается и обнажается в сложные моменты истории.

Размывания и разломы обнажают естественные ценности наших локальностей: если еще раз посмотреть на то, о чем пишут региональные журналисты, под этим углом зрения, мы увидим один из главных тезисов: "В принципе, мы – самодостаточны".